

Лиана Райт

Между нами лед

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Райт Л.

Р12 Между нами лед / Лиана Райт. – М.: Литнет, 2026. – 194 с.

ISBN 978-5-521-99885-2

Её назначили личным целителем к архимагу, о котором в городе говорят с ужасом и суеверным трепетом. Для одних он – почти чудовище. Для других – последняя мера, к которой прибегают, когда обычная магия уже бессильна. Никто не знает, какой ценой ему даётся собственная сила: севший голос, ледяные руки, темнеющие под кожей сосуды и медленное, страшное превращение во что-то слишком далёкое от человека.

Тэа должна всего лишь следить за его состоянием. Дарен – всего лишь терпеть женщину, которую к нему приставили без спроса. Но работа быстро перестаёт быть только работой. Тишина дома становится теснее. Прикосновения – опаснее. А за легендой, которой боится весь город, Тэа всё яснее видит мужчину, которого уже не может оставить. История о любви, боли, магии и той цене, которую платят за право оставаться человеком.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99885-2

© Литнет, 2026
© Райт Л., 2026

Пролог

Днем город еще держал лицо: бронзовые вывески, светлые перчатки, аккуратные трости, колеса экипажей, звон трамвайной линии, ровные спины клерков и усталое достоинство дам, которые знали, где им следует быть и чего не следует замечать.

Стоило сырому сумраку сползти с крыш и осесть в щелях между домами, как из-под лака проступало настоящее. Копоть. Влага. Медный привкус тумана. Белесый свет магических фонарей, дрожащий в стеклянных шарах, будто внутри них билось по маленькому сердцу. И разговоры.

Я любила вечерние дороги именно за это.

Люди, которые весь день говорили о закупках угля, расписании паровых карет, тарифах на магический свет и ценах на лечебные настои, к сумеркам начинали говорить не о другой жизни — о той же самой, только без дневной вежливости.

О чужих смертях. О неудачных плетениях. О мелких городских сбоях, после которых в доме еще долго пахнет озоном. О чёрном экипаже без герба у здания министерства. О том, почему в Верхнем квартале третий вечер подряд фонари загораются позже обычного — и почему такая мелочь тревожит людей сильнее, чем следовало бы.

Я шла вниз по улице, прижимая к боку портфель с записями, и старалась думать о том, как доберусь домой раньше, чем хлынет дождь.

День выдался тяжёлым. В больнице пахло настойкой горечавки, кровью и машинным маслом от перегретых диагностических арок; младший целитель из третьего крыла снова перепутал дозировки, а одна из пациенток, нервная женщина с обожженными чарами кистями, дважды пыталась встать с койки и дважды плакала у меня на плече, шепча, что ей просто нужно домой. К концу смены у меня звенело в висках.

Мне хотелось тишины. Горячей воды. Чая без разговоров. Вместо этого я получила чужой шепот за спиной.

– ...я тебе говорю, это был его экипаж.

– Не городи. Он по таким улицам не ездит.

– А если ехал не он, то зачем упряжь вся в серебре? И кучер в черном? Я ещё не ослеп.

Я не обернулась. В вечернем городе разговоры лучше слушать боком – как дождь по крыше. Так они честнее.

– Он был у министра? – спросил третий голос, пониже и с той охотой к ужасу, которую люди почему-то принимают за живой ум.

– У кого он только не бывает. Короткий смешок.

– И после него, говорят, всё начинает работать.

– Или перестает.

– Вот именно.

Я свернула к булочной на углу. В витрине дрожал жёлтый свет, на прилавке оставалось всего несколько тёмных буханок. Из приоткрытой двери тянуло теплом и мукой. Хозяйка с дочерью уже убрали подносы, но у прилавка всё ещё стояли двое мужчин в рабочих куртках, и один из них, понизив голос, говорил так старательно, будто от этого слова становились менее слышными:

– Нет, ты не понимаешь. Он не просто маг. Он... – она замолчала. Пауза была почти сладкой.

Я купила хлеб, отсчитала монеты, приняла сдачу и только тогда услышала то, что и без того уже висело в воздухе весь вечер.

– Вампир, – шепот был пропитан суеверным трепетом. Хозяйка недовольно цыкнула.

– Господь с вами, мистер Грей. Не при детях. Мужчина фыркнул, но голос опустился ещё ниже:

– А как еще его называть? Люди после него месяцами шепчут. А когда он колдует, окна в двух кварталах покрываются инеем.

Я вышла обратно на улицу, и туман лизнул мне лицо влажным холодом.

Некоторых людей город носит на языке так долго, что они перестают быть людьми. Становятся приметой. Болезнью. Погодой. Ночным звоном под мостами, от которого всё внутри неприятно стынёт, хотя ты сама не можешь сказать почему.

Это имя я слышала и раньше. Слишком часто, чтобы придавать значение каждому шепоту. Но именно сейчас впервые поймала не слово – интонацию.

В городе о нём говорили не как о человеке. Не как о маге.

И даже не как о власти.

О нём говорили так, как говорят о вещи, которую боятся впустить в дом – и всё равно зовут, когда больше звать некого.

Глава 1

Утро началось с того, что меня не оставили в покое.

До обеда я успела осмотреть троих после ночного ожога чарами, поругаться с младшим целителем из приемного, который снова решил, что точность – вещь факультативная, и выпить остывший чай, стоя у окна в перевязочной.

День шел своим обычным больничным ходом: кто-то стонал за ширмой, в коридоре звякали стеклянные поддоны, у дальней стены спорили о поставке новых ограничителей для диагностической арки, и всё это было настолько привычно, что я уже почти перестала слышать.

Потом в дверях появился посыльный из административного крыла.

Он был из тех молодых людей, которые даже собственную тревогу носят так аккуратно, будто и она подлежит учету. Чистый воротничок. Волосы прилизаны. Папка прижата к груди.

– Целитель Тэа.

Я подняла глаза от карты пациента.

– Да?

– Главный целитель просит вас подняться к нему. Сейчас. Не «когда освободитесь». Не «после обхода». Сейчас.

Я закрыла карту и молча кивнула.

Когда тебя вызывают наверх в середине смены, хороших причин обычно две: либо кто-то умер не вовремя, либо кто-то из начальства решил, что твое время принадлежит ему без остатка. В больнице это не редкость, но приятнее от этого не становится.

Я передала записи сестре, вымыла руки и пошла через длинный коридор, где в воздухе стоял смешанный запах спирта, мыла, влажной шерсти и парового тепла от нижних труб.

Снаружи день был серый, стекло высоких окон запотело по краям, и свет через него проходил как через мокрую ткань. По пути

я обогнула двоих санитаров с носилками, пропустила молодого механика с ящиком инструментов и невольно замедлила шаг перед лестницей в административное крыло.

Там всегда было тише.

Не потому, что у них меньше работы. Просто наверху работали люди, которые умели прятать шум за толщиной дверей и ковров.

Внизу больница жила телом: кашель, шаги, плеск воды в тазах, звяканье металла, чужое дыхание.

Наверху она жила бумагой.

Секретарь главного целителя поднял на меня взгляд, едва я вошла в приёмную, и этот взгляд мне не понравился. В нём было слишком много вежливости и слишком мало обычного раздражения.

– Подождите секунду, – сказал он и почти сразу встал, не дожидаясь моего ответа. – Я доложу.

Я осталась одна у стены, рядом с высоким шкафом, полным папок, и впервые за всё утро почувствовала укол чего-то похожего на тревогу.

Не потому что ждала беды. Просто такие вызовы редко приходят без намерения что-то изменить в твоей жизни, а я слишком хорошо знала цену чужим решениям, принятым в тихих кабинетах.

Через минуту дверь открылась.

– Входите.

Его кабинет был теплым, сухим и слишком правильным.

Темное дерево, зеленая кожа кресел, тяжёлые шторы, блеск латунных деталей на письменном столе. На каминной полке тикали часы. У окна стоял ещё один человек, которого я знала только в лицо: заместитель по кадрам, сухой, бледный, с привычкой сцеплять руки за спиной так, будто и собственные пальцы ему мешали.

Оба посмотрели на меня с тем спокойствием, которое всегда означает одно и то же: всё уже решено, твоё дело – выслушать.

– Присядьте, Тэа, – сказал глава больницы. Я не села.

– Лучше постою.

На мгновение мне показалось, что он едва заметно усмехнулся. Не весело. Скорее с усталой оценкой: да, именно поэтому.

– Как хотите, – сказал он. – Разговор не займет много времени.

Это тоже было плохим знаком. Самые неприятные разговоры обычно не бывают длинными.

– На имя больницы поступило распоряжение, – сказал главный смотритель, открывая папку, лежавшую перед ним, – Выбрать и направить личного целителя к господину архимагу.

Он произнёс это так ровно, будто говорил о новой поставке льна для перевязок.

Я смотрела на него, не моргая.

Иногда человеку требуется секунда, чтобы понять не слова, а их значение. Это был как раз такой случай. Не потому что смысл был сложным. Наоборот. Слишком простым.

Личный целитель. К архимагу.

– И? – спросила я.

Заместитель у окна наконец обернулся.

– И больница выбрала вас. Вот тут я всё-таки села.

Не из слабости. Просто телу иногда нужно опереться на что-то, пока разум догоняет.

– На каком основании? – спросила я. Главный смотритель сложил ладони на папке.

– На том основании, что распоряжение требует не просто квалификации, а определённого склада. Нам нужен человек, который сможет работать в закрытом режиме, проживать вне больницы, не разглашать сведения о состоянии пациента и не создавать... лишних затруднений.

– «Пациента», – повторила я. – Вы сейчас об архимаге?

– Я сейчас о человеке, к которому вы будете прикреплены. Это мне не понравилось ещё сильнее.

Слишком осторожный тон. Слишком чистые формулировки.

Когда люди начинают выглаживать слова до блеска, значит, за ними обычно прячется что-то, что неприятно трогать руками.

– У меня есть выбор? – спросила я.

Тишина была короткой, но достаточно выразительной.

– Мы рассчитываем на ваше понимание, – сказал заместитель.

Я перевела на него взгляд.

– Я спросила не это.

Главный целитель вздохнул, как человек, которому не хочется портить беседу прямотой, но приходится.

– Формально вы можете отказаться, – сказал он. – Практически я бы не рекомендовал этого делать.

Вот и всё.

Не приказ под подпись, не кандалы, не королевская печать у меня перед лицом – просто тот тип вежливости, за которым уже давно всё решено.

Я почувствовала знакомое, сухое раздражение, от которого во рту всегда появляется металлический привкус. Его редко замечают со стороны. Я вообще не из тех, кто бьет посуду или повышает голос в кабинете начальства, но это не значит, что мне нравится, когда мою жизнь перекладывают с места на место как папку на столе.

– Вы хотя бы собирались сказать мне об этом до того, как выбрали? – спросила я.

– Нет.

Эта честность была почти оскорбительной.

– Почему именно сейчас?

– Потому что распоряжение пришло сегодня утром. И потому что подобные вещи не обсуждают неделями.

Я могла бы спросить, что случилось с архимагом. Могла бы поинтересоваться, кто именно подписал бумагу наверху, как срочно требуется мой перевод, на какой срок рассчитано назначение. Но всё это были уже технические вопросы, а я пока ещё злилась на основное.

Не на него.

На самую форму.

На то, как легко чужая власть входит в твою жизнь через хорошо смазанные двери.

– Это не повышение, если вы вдруг надеялись, что я обрадуюсь, – сказала я.

– Мы и не надеялись, – сухо заметил главный по кадрам. Главный зритель посмотрел на меня чуть мягче.

– Хорошо. Тогда будем считать, что мы с самого начала говорим честно. Это не подарок, Тэа. Это тяжелая, закрытая и, вероятно, неприятная работа. Именно поэтому мы вызвали вас.

Я опустила взгляд на папку в его руках.

Там, под картонной обложкой, уже лежала чья-то версия моей ближайшей жизни.

Я вдруг очень ясно поняла, что чай, о котором я думала полчаса назад, горячая вода, вечер в маленькой квартире с видом на мокрые трубы соседнего дома – всё это уже уходит от меня, даже если мне пока ещё не дали времени это почувствовать.

И именно это разозлило меня сильнее всего.

– Почему я? – спросила я.

Не с надеждой, что мне польстят. И не из кокетства. Просто хотела услышать, какой именно удобный перечень качеств оказался достаточным, чтобы переселить меня в дом человека, о котором весь город говорит шёпотом.

Главный целитель не стал делать вид, будто вопрос его удивил.

– Потому что вы устойчивая, – сказал он. – Потому что не склонны к болтовне. Потому что умеете работать с тяжёлыми пациентами без личной вовлеченности, но и без жестокости. Потому что вы достаточно сдержанны, чтобы не превратить всё в драму. И потому что, насколько нам известно, у вас нет обстоятельств, которые сделали бы постоянное проживание вне дома невозможным.

Он перечислял это спокойно, как пункты в отчёте.

Я слушала и чувствовала, как у меня по позвоночнику ползёт прохладное, неприятное понимание. Они действительно всё про-